

УДК 22.08

ГРНТИ 21.31.51

БИБЛЕЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Белый Константин Вячеславович

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова,

Исторический факультет,

соискатель, г. Москва

signboard3kb@mail.ru

THE BIBLE CONCEPT OF THEOCRATIC MONARCHY

Konstantin V. Belyj

M.V. Lomonosov Moscow State University,

History department,

Applicant, Moscow

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено библейским представлениям об институте монархии, проблеме и причинам его учреждения в Древнем Израиле. В статье обосновывается возможность представить библейское учение о монархии как целостную систему взглядов и выделяются основные положения библейской концепции теократической монархии.

ABSTRACT

The research is devoted to the biblical ideas about an institution of the monarchy, problems and reasons for its establishment in Ancient Israel. The article substantiates an opportunity to present the biblical doctrine of the monarchy as an integral system of views and highlights main provisions of the biblical concept of theocratic monarchy.

Ключевые слова: Библия, Древний Израиль, монархия, теократическая монархия.

Key words: Bible, Ancient Israel, monarchy, theocratic monarchy.

Среди всех древневосточных текстов, упоминающих генезис монархии, заметно выделяется описание учреждения в царства в Древней Израиле: как особенным вниманием, уделяемых в книгах Царств данному вопросу, так и глубиной, информационной полнотой передаваемой картины. В значительной степени это обусловлено спецификой Библии как уникального исторического источника, не только «обнимающего, по словам отца отечественного востоковедения Б.А. Тураева, весь Древний Восток на всем его хронологическом протяжении» [18, 13-14], но и с беспрецедентной для древневосточной литературы тщательностью освещающего важнейшие события священной для ветхозаветной и новозаветной церковью истории, в число которых, несомненно, входит учреждение монархии [2, 3].

Первый период в политической истории Древнего Израиля, продолжавшийся от исхода из Египта до окончания эпохи судей, обычно именуется исследователями эпохой теократии. Впервые этот термин встречается в сочинении иудейского философа I в. н.э. Иосифа Флавия, пытавшегося таким образом наиболее точно передать римским читателям уникальность политического устройства Израиля, подчеркивая особую роль Бога как непосредственного Царя, а также значение священства в управлении народной жизнью [9].

Мыслители Поздней Античности, Средних веков и Нового времени неоднократно обращались к тематике священной истории Израиля, ища в ней ответы на вопросы своего времени. Однако научное изучение древнееврейской политической традиции и феномена израильской монархии начинается с XIX в.

Израильскую теократию и монархию так или иначе рассматривали в своих трудах как теологи, библеисты, так и историки, социологи, культурологи. Наибольшее внимание этой проблеме уделяли немецкие, английские, а затем американские ученые, например, А. Альт, К-Х Бергнгардт, Г. Бруннер, Л. Шмидт, Г. Фрэнкфорт, С. Хук, Э. Мейер, Д. Кунц и многие другие.

Часть исследователей занимал вопрос об уникальных и общих для макрорегиона элементах религиозно-политической традиции Древнего Израиля,

локального осмысления «сакральной царственности» [19, 31], других, в особенности библеистов и историков религии, скорее, интересовала проблема эволюции политического строя и возникновения монархии [6]. Достаточно быстро выделилось два направления: одни ученые считали переход от системы судий к монархии естественной трансформацией древнееврейского общества и в целом положительным явлением, иные – напротив, признавали в этом событии отклонение от первоначального устройства народной жизни, приведшего впоследствии к политическому кризису.

Между двумя направлениями велась оживленная дискуссия, особенно в протестантской богословской науке и библеистике. Например, Ф. Камфаузен, Г. Эвальд, В. Ирвин считали, что царская власть не соответствует первоначальному строю теократического государства израильтян, которая после создания явилась как нечто чуждое, противное воле Бога. Иные ученые как Г. Клейнерт, С. Шульц оспаривали этот тезис [5, 409].

Также один из ключевых вопросов, вокруг которых велась широкая дискуссия, был связан с авторской позицией в книгах Царств относительно института монархии. Исследователи выделяли в тексте элементы домонархических, монархических и одновременно антимонархических представлений. Объяснить их сосуществование многие пытались по-разному, в том числе выдвигая гипотезы о постепенном составлении книг, внесения в них интерполяций зачастую противоположных изначальной идейной установке [23, 27-28].

Свой вклад в изучение, осмысление проблемы генезиса и развития монархии в Древнем Израиле, в том числе отражения этого процесса в библейских текстах, внесли и отечественные ученые преимущественно дореволюционного периода. Целая плеяда известных библеистов, богословов, историков и филологов: А.П. Лопухин, М.Э. Поснов, И.Е. Троицкий, И.Н. Корсунский, Л.И. Бриллиантов, Ф.Г. Елеонский и др. занимались разными аспектами этой темы. Однако в целом позиция российских ученых несколько отличалась от их западных коллег. Главным образом по двум причинам. Во-

первых, дореволюционная богословская школа следовала в русле православной экзегетической традиции, хотя и принимала многие достижения библейской критики. А во-вторых, на протяжении XIX столетия в российской академической мысли доминировало положительное восприятие монархического устройства. Безусловно, в этом сказывались не только официальные идеологические установки, но и устойчивая, органичная для большинства населения империи того времени традиция самодержавия.

Наряду с академическими исследованиями в дореволюционной богословской литературе встречались религиозно-публицистические или научно-публицистические сочинения русских священнослужителей, также затрагивавших феномен древнеизраильской монархии [11]. Самое известное среди них – сборник «Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных» митрополита Филарета (Дроздова), многократно переиздававшийся до Революции.

В современной богословской литературе проблема генезиса и развития древнеизраильской монархии не является активно разрабатываемой. Впрочем, ряд исследователей, тем не менее, затрагивает ее в своих работах, чаще всего посвящаемых изучению византийской или древнерусской политической традиции, христианской историософии [10]. В то же время до сих пор в полной мере не проанализирован вклад дореволюционных ученых в изучение феномена древнеизраильской монархии, что заслуживает отдельного исследования.

Разумеется, политическое сознание древнееврейского общества, отношение к царской власти, видение ее идеала не являлись четко структурированной системой представлений подобной политическим концепциям Нового времени. С другой стороны, наличие определенной концепции царской власти именно как способа понимания ее сущности, целей, задач и предназначения, который формировал отношение к монарху и оценку его деятельности, столь же очевидно.

Именно поэтому многие ученые, обращавшиеся к политической традиции Древнего Израиля, хотя и успешно выделяли основные идеи, концептуальное

содержание, однако описывали ее, скорее, как религиозно-политическое учение, отдельную модель ближневосточной монархии или одну из форм теократии. При этом, несмотря на столь длительное и многогранное изучение феномена древнеизраильской монархии, попытка представить ее не только в виде учения, но и как по возможности систематизированную религиозно-политическую концепцию осуществлена еще не была, а основания для этого имеются.

В Библии и особенно ветхозаветных книгах для оценки действующих лиц широко используется категория «пути», бывшая одной из ключевых в сознании древневосточного человека [13, 482]. Как отмечают исследователи, в религиозно-мифологическом восприятии окружающего мира, характерном той эпохе, даже земное, видимое пространство выглядело качественно определенным и разнородным. Существовала четкая граница между сакральным и не сакральным, между центром и периферией. Любое движение от центра, отклонение от середины (в том числе срединного пути) было опасным вхождением в зону хаоса, в область, лишенную царственности и закона. Следование же пути мыслилось и как хождение по прямой «царской» дороге, и как жизнь в строго лимитированном пространстве, отделенном от не сакрального [4, 61-63].

Из всех древневосточных традиций понятие «пути» было наиболее определенным, безусловно, в древнееврейской культуре. Ветхозаветное общество существовало в парадигме «Закона Моисеева» – комплекса Божественных установлений и предписаний, регламентировавших все основные аспекты жизни представителей избранного народа. Соблюдать Закон должен был в равной мере весь «род израилев» вплоть до предводителей. Без этого оказывалось невозможным сохранение избранного народа от ассимиляции и культурно-религиозного обмена с языческим окружением, а также соблюдение Закона было одним из условий Завета – священного договора между Богом и Израилем. Согласно ему, в случае если потомки Авраама исполняли Закон, то есть следовали пути Господнему, то и Бог обещал даровать народу благоденствие и защиту от врагов. Причем, этот принцип действовал как по

отношению ко всему роду израильскому, так и относительно каждого отдельного его представителя.

О важности идеи следования Закону в представлении древних евреев наглядно говорит высокая частотность упоминания слов «закон», «путь» (угодный Богу) в ветхозаветных текстах. Ко многим героям ветхозаветной истории применяется оценка: следовал или не следовал пути Господню, пути праведному. Но особенно часто используется она в книгах о периоде судий и царей применительно к состоянию народа или действиям его высших представителей.

В данных текстах неоднократно встречаются подобные слова: не ходил путем Господним, путем Давида, путем Асы, а ходил путем неправды – путем Иеровоама, путь царей Израильских и т.д. *И делал Соломон неугодное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его* (3 Цар. 11:6). *Охозия делал неугодное пред очами Господа, и ходил путем отца своего и путем матери своей и путем Иеровоама, сына Наватова, который ввел Израиля в грех* (3 Цар. 21:52).

Те же противопоставления встречаются и в других книгах. Например, в книге Притч действующие лица ветхозаветной истории шествуют или нет путем разума (Пс. 9:6), путем добрых (Пс. 2:20), прямым путем (Пс. 14:2), путем правды (Пс. 15:9). *Идущий прямым путем боится Господа; но чьи пути кривы, тот небрежет о Нем, Мерзость пред Господом - путь нечестивого, а идущего путем правды Он любит* (Притч. 14:2). В книге Исход упоминается призыв Иофора к Моисею о пути: *научай их уставам и законам Божиим, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать* (Исх. 18:20). Широко используется категория пути и в Псалтири. *Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит* (Пс. 36:5), *Кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне* (Пс. 100:6). Более того самый объемный и известный псалом – 118 полностью посвящен теме исполнения Закона Господнего. Слова «закон» и «путь» здесь также синонимичны и взаимосвязаны.

Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем ... Они не делают беззакония, ходят путями Его (Пс. 118:1,3).

Эти и многие другие примеры дают основания полагать, что мировосприятию древних евреев было присуща достаточно четкая религиозно-нравственная детерминированность. Вне зависимости от исполнения или преступления Закона, границы между праведным и неправедным во всех основных сферах жизни были, по крайней мере, известны. Несомненно, касалось это и деятельности предводителей, а затем правителей богоизбранного народа, игравших особую роль в жизни Израиля.

Конечно, единого библейского текста, который представлял бы высшим лицам народа пошаговую инструкцию следования праведному пути в деле управления народом не было. Но целый ряд фрагментов Священного Писания прямо или косвенно посвящен деятельности вождей, царей израильских, тому, как в конкретных условиях должен поступать праведный правитель, от чего уклоняться, и в чем сущность его власти.

Большое внимание уделено в ветхозаветных книгах раскрытию положительных и отрицательных образов действующих лиц политической истории. Наиболее важными из них стали образы первых царей израильских, среди которых исключительное место занимает Давид, который стал образом идеального правителя как в древнееврейской, так и христианской традициях [22, 242-243]. В силу всего вышесказанного, мы посчитали возможным с помощью комплексного анализа данных фрагментов представить библейский взгляд на монархию в виде концепции, выделив, как минимум, ее ключевые положения.

Богоустановленность царской власти

Первый вопрос, который во многом определял отношение древних евреев к монархии, касается проблемы ее богоустановленности. Книги Судий и Царств достаточно подробно освещают эпизод возникновения в Израиле института царской власти, но в описании этого процесса, как отмечают исследователи, присутствуют одновременно элементы двух позиций: промонархической и антимонархической.

Некоторые ученые объясняют это тем, что первоначальный текст, вероятно, был дополнен при дворе в более позднее время и, соответственно, иначе интерпретировал генезис царской власти. К примеру, пророк и последний судия Самуил – согласно Преданию, автор последнего стиха книги Судий так резюмирует состояние Израиля к концу домонархической эпохи: *В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым* (Суд. 21:25). В то же время несколько ранее, описывая кратковременное правление царя-узурпатора Авимелеха, приводится притча его брата Иофама о воцарившемся терновнике, которая считается одним из самых ярких антимонархических текстов Библии (Суд. 9:7-15).

Неоднозначная оценка царской власти содержится и в книгах Царств. Когда старейшины обратились к Самуилу с просьбой поставить над ними царя, чтобы судил их как у других народов, он вознегодовал. *И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ним* (1 Цар. 8:6-7). Однако в дальнейшем даже при описании царей, не исполняющих Закон, вопрос о богопротивности или богоустановленности института царской власти в Израиле и Иудее не поднимается. Напротив, престол Давида Господь обещает утвердить *на веки* (2 Цар. 7:13).

Также вводил многих исследователей в недоумение фрагмент более ранней книги – Второзакония, в 17 главе которой содержится довольно обширное пророчество о царстве в Израиле. *И когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня, то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой* (Втор. 17:14-15). Отрицательная библейская критика видела в этом отрывке очевидную интерполяцию монархического или поствавилонского времени. Однако некоторые ученые, придерживаясь традиционного толкования, допускали принадлежность этого фрагмента к эпохе Моисея. Именно поэтому, на их взгляд,

прося царя, представители народа не считали свои действия противоречащими обетованию и, соответственно, незаконными [5, 422-423].

В целом, в иудейской раввинистической традиции постепенно утвердилось отрицательное отношение к введению царской власти в Древнем Израиле. Она представлялась Божественным попущением вследствие слабости и неверности евреев принципу теократии на данном историческом этапе. Хорошо выражена эта позиция в пересказе первой книги Царств Иосифом Флавием: «Конечно, от этого, – сказал Предвечный, – раз сделанное уже не изменится, но зато им придется убедиться в необычайной виновности их предо Мною, когда они презрительным своим отношением к Моим желаниям выказали полную свою неблагодарность как ко Мне, так и к твоему пророческому сану. Ввиду всего этого повелеваю тебе выбрать им царем того человека, на которого Я укажу тебе; но при этом ты предваришь евреев о том, каким бедствиям подвергнет их царская власть, и объяснишь им, какие перемены ожидают их впереди» [8, 302-303].

В христианской традиции отношение к учреждению монархии в Израиле было несколько иным. В требовании царя ряд экзегетов и христианских писателей также усматривали своевольный акт древних евреев, преступление божественного закона, который, однако, действием Промысла Божьего стал одной из ступеней на пути спасения человечества. Например, блаж. Феодорит Кирский отмечает, что на примере Саула и Давида Господь показал евреям, что не сила и высота необходима для успешного правления, а кротость и богобоязненность. Более того, многие святые отцы усматривали в царствовании Давида явный прообраз будущего мессианского царства, а в личности второго царя – Самого Христа [17, 86-87].

При этом сам институт царской власти в святоотеческой традиции никогда не признавался богопротивным. В Священном Писании указывается, что не только вождям и правителям избранного народа Господь дает полномочия управлять подданными, но и языческим монархам. Так, например, Навуходоносор был поставлен по воле Божией над всем Ближним Востоком (Иер. 27:6; Дан. 2:37). Однако из этого не следует, что все деяния власть

предержавших угодны Богу. *Итак, слушайте, цари, и разумеите, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими* (Прем. 6:1-5).

Этот отрывок затрагивает одну из важных проблем библейского миропонимания – тему власти священной и попущенной. С одной стороны, в Ветхом и Новом Заветах неоднократно встречаются утверждения о том, что всякая власть исходит в конечном счете от Бога. Наиболее известны в этом смысле два фрагмента апостольских посланий – первое апостола Петра (1 Пет. 2:13-14) и апостола Павла к Римлянам (Рим. 13:1-2). В библейском понимании священен сам институт власти. И поэтому правителю, царю следует повиноваться во всем, что не противоречит Закону Божию. Если же правитель творит беззакония и принуждает к тому подданных – то он фактически становится узурпатором престола.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что царская власть в Древнем Израиле в библейской и, соответственно, христианской традиции осмыслялась как одновременная попущенная и богоустановленная форма политической организации. В сравнении с домонархической теократией, когда Царем в полном смысле именовался исключительно Бог, а руководство избранным народом осуществлялось через пророков, судий – то есть воздвигаемых лично Богом людей, древнеизраильская монархия представляла собой менее совершенную форму устройства жизни Священного Израиля (12, 243-244).

С другой стороны, установление монархии произошло по указанию Бога и было использовано во благо: как в мессианских, так и педагогических целях. В виду религиозно-нравственного упадка в еврейском народе, установление монархии привело в скором времени к недолгому расцвету государственности, а

царь Давид стал самым ярким прообразом грядущего Мессии. При этом на примере неблагочестивых царей древние евреи ясно увидели, чем грозит уклонение от принципов теократии в сторону неограниченной монархии.

Избрание монарха

Как мы уже упоминали, в древневосточных политических традициях существовали разные способы воцарения монарха. В древнееврейском государстве в основу лег тот же династический принцип, строго сохранявшийся в Иудейском царстве [23]. Однако первые цари – Саул и Давид были избраны непосредственно Богом, поэтому момент божественного избрания родоначальников династии являлся крайне важным.

Кроме того, необходимой считалось угодность Богу любого последующего монарха, его реальное положение помазанника, а не узурпатора престола. В идеале это проявлялось в такой последовательности: 1) признание пророком или некое откровение о конкретном человеке, 2) подтверждение его «избранности» победами, личными достижениями, 3) признание царем элитой и народом [21, 88]. В действительности первый пункт встречался не часто. Обычно после смерти царя, воцаряли сына или брата покойного, помазывая его священным миром. И только потом начиналось наблюдение за первыми пунктами: степени богоугодности, которая выражалась в процветании государства или его упадке, победах или поражениях от врагов.

Сам ход избрания древнееврейских царей лучше всего изображен в 4 книге Царств. *И раздал священник сотникам копья и щиты царя Давида, которые были в доме Господнем. И стали скороходы, каждый с оружием в руке своей, от правой стороны дома до левой стороны дома, у жертвенника и у дома, вокруг царя. И вывел он царского сына, и возложил на него царский венец и украшения, и воцарили его, и помазали его, и рукоплескали и восклицали: да живет царь! И услышала Гофолия голос бегущего народа, и пошла к народу в дом Господень. И видит, и вот царь стоит на возвышении, по обычаю, и князья и трубы подле царя; и весь народ земли веселится, и трубят трубами (4 Цар. 11:10-14).*

Таким образом, очевидно, что обязательными элементами поставления царя в библейской традиции были избрание (сверхъестественное или естественное), одобрение народом и миропомазание как священный акт божественного утверждения [20, 151]. Причем, согласие народа, по крайней мере формальное, требовалось всегда (2 Царств, 6:1; 1 Пар. 13:1-5). Даже неблагочестивый царь Ахав достигает противозаконного, не избегая этой формулы (2 Царств, 21:1-14).

Интересно отметить, что в библейском понимании *нет власти не от Бога* (Рим. 13:1), то есть поставление всех правителей находилось и находится в ведении Царя Небесного. Причем, поставление не только царей избранного народа, но и языческих государств. Например, Навуходоносор согласно библейским текстам воцарился над Ближним Востоком как помазанник Божий (Иер. 27:6; Дан. 2:37). В Библии есть много фрагментов, свидетельствующих о том, что восхождение любого правителя происходит не без воли Вседержителя. *Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет* (Дан. 4:22), *Поставляя царей на престолы, низлагает царей* (Дан. 2:21). *Он лишает перевязей царей, и поясом обязывает чресла их* (Иов, 12:18) и т.д.

Однако в Библии отчетливо выделяются и несколько видов воцарений: по воле Божией и по попущению Божию в промыслительных целях: наказания и вразумления народа, впавшего в грехи. Как сказано, например, через пророка Осию: *Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома* (Ос. 8:4).

Причем, строгое наказание ожидает не только узурпаторов престола, но и тех, кто был поставлен по воле Божией, однако правил нечестиво. *Итак, слушайте, цари, и разумеите, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся пред народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими* (Прем. 6:1-5).

Царь и Бог

Несмотря на появление в древнем Израиле монархии, эпоха теократии с этим не завершилась. Владыкой Израиля в подлинном смысле по-прежнему оставался только один Бог, царь же являлся земным руководителем богоизбранного народа – помазанником Божиим. С одной стороны, царь был таким же человеком, как и все остальные представители богоизбранного народа, с другой стороны, у него возникали особые взаимоотношения с Богом и статус помазанника Божия.

На примере второго псалма, который, как полагают многие исследователи, первоначально имел не только мессианский смысл, но и использовался во время интронизации, видно, что Бог усыновляет помазанного царя [14, 253]. Или, как Господь говорит Давиду о сыне Соломоне: *Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном* (2 Цар. 7:14). Наиболее явно раскрылся такой тип взаимоотношений в царствовании Давида, пытавшегося всецело следовать идеальной модели царствования.

В Священном Писании можно без труда выявить две обозначенные в тексте модели монархии в условиях теократии: условно говоря нечестивую, языческую и богоудодную, правильную. О первой, которая была во многом сходной с ближневосточными политическими традициями того времени, прямо или косвенно сказано неоднократно. Еще во Второзаконии Господь предостерегает будущего царя от умножения коней, жен, *дабы не развратилось сердце его* (Втор. 17:16-17). Пророк Самуил по повелению Бога также пересказывает народу некоторые признаки типичного царя, предостерегая тех от установления монархии (1 Цар. 8:10-20). Разные черты «языческой» модели раскрываются и в правлении отдельных нечестивых царей Израиля и Иудеи. Суть отрицательной модели, обобщая, можно выразить так: через неисполнение Закона Божьего, уклонения в грехи и страсти, монарх отходил от теократического принципа, превращаясь в самодостаточного автократора и затмевая собой в глазах народа истинного Царя.

Положительную, правильную модель монархии также раскрывает множество фрагментов библейского текста и примеры благочестивых царей.

Причем, суть ее обозначается уже в библейском наименовании правителей Древнего Израиля. Дело в том, что семитское слово «Мелех» (מֶלֶךְ), употреблявшееся в окружающих Израиль ханаанских царствах и племенных образованиях, отнюдь не единственное, которым обозначается «царь» в Писании. Наряду с ним и, особенно, в ключевых моментах используется слово «Нагид» (נָגִיד), ранее в Ветхом Завете не встречающееся. Ученые, занимаясь его этимологией, пришли к выводу, что таким термином в Древнем Израиле могли обозначать предводителей, вождей и предстоятелей народа [21, 87].

Он же употребляется в тексте, повествующем о первом воцарении. *Вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего*, – сказал Самуил Саулу (1 Цар. 10:1). Или как в прямой речи Бога Давиду: *Ты будешь пастухом Моего народа, Израиля, и ты будешь править над Израилем* (2 Цар. 5:2). Встречается этот термин и далее. Например, при короновании Соломона, Давид возглашает: *Он будет царствовать вместо меня; ему завещал я быть вождем Израиля и Иуды* (3 Цар. 1:35). *И в другой раз воцарили Соломона, сына Давидова, и помазали пред Господом в правителя верховного* (1 Пар. 29:22).

Интересно, что «нагид» в Септуагинте переводится с помощью двух слов: «ἄρχοντας» и «ἡγουμένους». Архонтами в древнегреческой, а затем византийской традициях обычно называли правителей лимитрофных областей, зависимых от сюзерена. В славянских языках архонты переводятся как «князья». Игумены в древнегреческом понимании – предводители, ведущие вперед воинство. Поэтому использование этих двух терминов достаточно точно передает статус царя в Древнем Израиле по отношению к Богу.

В этом смысле символичной выглядит просьба евреев поставить над ним царя «как у прочих народов» и реальное утверждения Богом института монарха в Израиле в качестве «правителей верховных», «вождей народа». То есть изначально возникает два противоположных образа царствования, между которыми будут балансировать последующие цари. Одни, как Саул или Соломон

во второй половине жизни, сойдут с праведного пути и приблизятся к модели типичного древневосточного государя, другие как Давид и Иосафат, напротив, максимально осуществят идеальную, правильную модель царствования, в которой царь, оставаясь по внешне «мелехом», будет осознавать себя «нагидом».

Известный французский библеист Ролан де Во называл такую идеальную модель взаимоотношений царя с Богом – вассалитетом, а царя Древнего Израиля – «королем-вассалом», «викарием» [19, 33]. Другие западные исследователи нередко именовали политическую систему Израиля конституционной монархией, имея в виду роль и значение ветхозаветного законодательства в ограничении полновластия царей. Однако мы предпочли бы остановиться на термине «теократической монархии» как наиболее точно отражающем суть ветхозаветного политического идеала монархического периода.

Царь и Закон

Ветхозаветный Закон четко регламентировал все основные сферы жизни богоизбранного народа, в том числе его предводителей и впоследствии – царей. Однако на царе, в отличие от рядового жителя, была огромная ответственность, так как его личные грехи могли приводить к распространению греха в народе, и, напротив, его личное благочестие способствовало подъему нравственной жизни общества и преклонению божественной милости к Израилю [2, 6,8].

В ветхозаветных текстах правители народа часто призываются строго следовать Закону Божию или обличаются через пророков за различные отступления. Например, Господь так взывал к Иисусу Навину: *Да не отходит сия Книга Закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно* (Нав. 1:8).

Во многих фрагментах Священного Писания в случае исполнения царем и его подданными Закона Господь обещает подать Израилю процветание и защиту от врагов. И, наоборот, в случае уклонения во грех, несоблюдения повелений Божиих, Бог предупреждает о последующих бедствиях, которые постигнут Израиль и, соответственно, правителя. *И если ты будешь ходить пред лицем*

Моим, как ходил отец твой Давид, – сказал Господь Соломону, – в чистоте сердца и в правоте, исполняя все, что Я заповедал тебе, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои, то Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду, говоря: не прекратится у тебя сидящий на престоле Израилевом. Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, которые Я дал вам, и пойдете и станете служить иным богам и поклоняться им, то Я истреблю Израиль с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. (3 Цар. 9:4-7).

Иначе говоря, царь в библейском понимании должен, прежде всего, радеть об исполнении божественного Закона, выполняя все необходимое для жизнедеятельности вверенному ему государству и народа, конечный исход всех действий и предприятий полагать на Бога, в руках Которого судьбы людей и народов, что многократно подчеркивается в Библии. Он же попускает или направляет врагов в разных целях: пробудить покаяние, наказать или истребить впавших в беззаконие людей. *Если он согрешит, Я накажу его через других людей. Они будут моим хлыстом* (2 Цар. 8:14), – говорит Господь. Или в другом месте: *О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил Моими путями! Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их* (Пс. 80:14-15).

Также помимо исполнения Закона ветхозаветным царям полагалось вести праведный суд над подданными. *Он поставил тебя царем над ним – творить суд и правду* (2 Пар. 9:8). Наибольшую славу благодаря праведному ведению суда приобрел, как известно, царь Соломон.

Царь и священство

В отличие от многих древневосточных политических культур, где царь сочетал в себе одновременно функцию первосвященника, в древнеизраильской традиции наблюдалось четкое разделение полномочий. Еще после исхода евреев из Египта была создана Ветхозаветная Церковь и трехсоставное священство, в

которое имели право входить евреи из колена Левиина. Также существовал особый вид служения – пророческий, когда Господь непосредственно избирал пророка для возвещения Своей воли или иных промыслительных целей.

В Библии упоминаются случаи, когда цари пытались исполнить религиозный ритуал вместо первосвященника, однако эти действия воспринимались однозначно негативно. С другой стороны, царь, являясь предводителем народа, ходатаем за него перед Вседержителем, был ответственен за весь народ, включая священнослужителей. Кроме того, во время главных празднеств и религиозных торжеств царь возносил от имени народа молитву, благословлял народ, участвовал в жертвоприношении, не исполняя при этом функции первосвященника [19, 38]. Большое влияние имела деятельность царей на развитие культовой традиции и религиозной письменности. Особенно велика заслуга в этом царя и пророка Давида.

В то же время в Древнем Израиле важную роль играли пророки, которые, как отмечал библеист М.Э. Поснов, стоя выше повседневной жизни могли «безошибочно знать о Божественных путях в истории избранного народа, о целях его, способны всегда видеть уклонения народа, чтобы делать соответствующие исправления» [16, 68]. Следовательно, древнееврейские пророки являлись не только посредниками между народом, царем и Богом, но и олицетворенной «совестью», выполняя функцию детектора духовно-нравственного состояния общества.

Царь и народ

И, наконец, последний важный пункт библейской концепции царской власти – взаимоотношения царя и народа. Многие аспекты этой темы были уже затронуты выше. Как и в других ближневосточных традициях, царь, согласно библейской модели, был «отцом» народа, предводителем, предстоятелем за него перед Небом. Царь являлся «органом божественного воздействия» на народ, которое могло происходить как положительную, так и в отрицательную стороны [2, 6]. От действий царя в значительной степени зависело нравственное состояние подданных и благосостояние государства.

При этом наблюдалось и обратное влияние. Даже при благочестивых царях происходили многочисленные проявления нечестия и беззакония, о которых те сокрушались и молили Господа отвратить свой гнев. В библейском тексте есть примеры, когда Бог по грехам народа или их своенравию попускал свершиться воле людей, и на престол восходили нечестивые правители. Самый яркий пример – возведение на престол Саула – высокого и сильного, что соответствовало представлениям людей о настоящем царе, однако привело Израиль к страданиям и военным поражениям.

К вопросу о правомерности свержения правителя текст Священного Писания относится достаточно однозначно. Одна из ветхозаветных заповедей гласит: *Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси* (Исх. 22:28). То есть любое поношение правителя признавалось преступлением Закона. Столь же греховным признавалось личное покушение на царя как помазанника Божия. Будущий царь Давид, имевший возможность убить Саула и не совершивший это ради страха Божия, явил пример правильного отношения к помазаннику. *Не подниму руки моей на господина моего*, – сказал Давид, – *ибо он помазанник Господа* (1 Цар. 24:11). И если будет воля Божия, он устоит, если нет – будет свергнут и падет от рук нечестивых (Пс. 126:1).

Еще одной важной функцией царя в Древнем Израиле было раскрытие через земную славу, власть, победы Вечного царства грядущего Мессии [15]. В первую очередь, конечно, это утверждение относится к царствованию и личности Давида, соединившего в себе царское, пророческое и священническое служение (участием в важнейших религиозных церемониях). Образ Давида стал в иудейской, а затем христианской традициях прообразом Мессии. Как отмечал известный библеист Е.Я. Богородский, «если христианство, имея высочайший идеал нравственного совершенства в лице своего Божественного Основателя, соединяет имя Давида с именем своего Основателя, как имя Его наиболее выдающегося предка и даже прообраза, последователи же Христа возносят свои молитвы к Богу словами Давидовых песнопений, – то не трудно понять, как высока должна была быть личность Давида и сама по себе, чтобы сделаться

достойною того значения, которое она получила в христианском сознании» [2, 106-107]. Также для последующих израильских, иудейских и христианских правителей стал примером идеального государя, который, несмотря на ошибки и временные страстные увлечения, стал человеком, максимально приблизившимся к реализации библейской концепции теократической монархии.

В целом, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что политическая традиция Древнего Израиля в христианском понимании сформировалась с одной стороны в контексте политической культуры Древнего Ближнего Востока, а с другой под влиянием промысла Бога над избранным народом или т.н. божественного откровения. Одним из элементов последнего применительно к политической традиции Древнего Израиля можно считать концепцию теократической монархии, раскрывающуюся в разных книгах Библии. Именно эта концепция, в которой царь являлся викарием Бога, предстоятелем и предводителем народа, но не полновластным властителем, органично перешла затем в зарождавшуюся христианскую политическую культуру, став одной из ее ключевых составляющих.

Список литературы

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета в синодальном переводе с комментариями и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2013. 2047 с.
2. Богородский Я.А. Еврейские цари. Казань: Центральная типография, 1906. 382 с.
3. Вейнберг И.П. Древнееврейское государство: идея и реальность // Государство на Древнем Востоке. Сборник статей. М.: «Восточная литература», 2004. С. 300-310.
4. Вейнберг И.П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. 208 с.

5. Елеонский Ф.Г. Постановления Второзакония о царской власти и пророчестве и время их происхождения // Христианское чтение. 1875. № 9-10. С. 409-429.
6. Иеромонах Варлаам (Горохов). Проблема формирования политического института монархии в Древнем Израиле (по данным современной зарубежной историографии) // Христианское чтение. 2012. № 1. С. 161-172.
7. Иеромонах Платон. Древний Восток при свете Божественного Откровения. К., 1898. 671 с.
8. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1. М.: «Ладомир», 2002. 784 с.
9. Иосиф Флавий. О древности иудейского народа [Электронный ресурс]. URL:https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/o_drevnosti_evreiskogo_naroda/1_1.
10. К примеру: Асмус В., протоиерей. Царь в Библии. // Православная государственность: 12 писем об империи. Сборник статей под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2003. С. 230-241; Хаула Е.В. Православная концепция царской власти [Электронный ресурс]. URL: <http://fondiv.ru/articles/2/272/> (проверено: 01.11.18); Иванова М.В. Идеология царской власти в Древнем Израиле. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, 1997. 24 с.
11. К примеру: Лебедев В., прот. Библейския собственные имена в их религиозно-историческом значении. Петроград.: Синодальная типография, 1916 г. 307 с.; Иеромонах Платон. Древний Восток при свете Божественного Откровения. К., 1898 г. 671 с.
12. Лоухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2. СПб, 1905. С. 333-353.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
14. Нот М. История Древнего Израиля. СПб: Дмитрий Буланин, 2014. 496 с.
15. Поснов М.Э. Взаимодействие двух факторов в истории Израильского народа – божественного и человеческого. К., 1903. 20 с.

16. Поснов М.Э. Идея завета Бога с израильским народом в Ветхом Завете. Богуслав, 1902. 296 с.
17. Покровский Ф.Я. Разделения еврейского царства на царство иудейское и израильское. К., 1885. 368 с.
18. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. / под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. Л.: Социально-экономическое издательство, 1935. 337 с.
19. Cundall A. Sacral Kingship. The Old Testament Background // *Vox Evangelica*. 1969. № 6. P. 31-41.
20. Heaton E.W. The Hebrew kingdoms. Oxford: Oxford university press, 1968. 437 p.
21. Old Testament Theology in outline by Walther Zimmerli. 1978. 331 p.
22. Rawlinson G. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World – Or, The History, Geography, and Antiquities of Chaldaea, Assyria, Babylon, Media, and Persia. London. 1871. 590 p.
23. Tomoo I. The Royal Dynasties in Ancient Israel. New York, 1977. 212 p.